

18+

АЛЕКСАНДР ШАТАЙЛО

ВЫСОКОЕ СЕРДЦЕ

Стихотворения

Александр Николаевич Шатайло

Высокое сердце.

Стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57190253

ISBN 9785005122322

Аннотация

Как в калейдоскопе, закручиваются в водовороте этой поэзии душа и мир, жизнь и погибель, черная судьба и блаженное детское «здравствуй» всему земному. Лишая опоры в привычном, автор лишь чуть приподнимает читателя над землёй сквозь боль и отчаянье, всего на один едва уловимый дюйм, но это тот «дюйм», который не симитировать, сколько ни пытайся. Это та поэзия, которую не встретить на утопанных площадях и ярмарках жизни. Поэзия «высокого сердца». Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ВЫСОКОЕ СЕРДЦЕ	5
О, БОЛЬ МОЯ!	11
ШАМПАНСКОЕ С УТРА	14
СПОКОЙНАЯ ВОЛНА	16
ABOARD THE SHUTTLE	19
ГЛИССАНДО	22
ЕСТЕСТВЕННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ	26
ТУПИК	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Высокое сердце Стихотворения

**Александр
Николаевич Шатайло**

© Александр Николаевич Шатайло, 2025

ISBN 978-5-0051-2232-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВЫСОКОЕ СЕРДЦЕ

Сегодня солнышко взошло
над тёмною страной:
я Божий.
я Внеземной.

Полетит Высоко моё сердце.

Но хочется в небе
«мёртвой петли».

Чтобы было красиво
для нашей земли.

Высокое сердце...
У Бога оно.
Но

выполняется сложная «фигура».
Жизнь – это натура.

Пугачёв здесь ни причём.
Просто летаешь и всё тебе нипочём.

Был бы крылат.

(Бог и это простит!)

Сашка-какашка
над миром парит!

Жизнь – это Высокое сердце.
Сегодня Христу выходить
в открытое сердце:

Я – Мир.

Буксующий и буксир.

Всё во мне, всё извне,

я в недрах, я в жарком любовном огне,

мне мамонты снятся, галеоны на дне,

сегодня так чисто на радиоволне,

я в нересте, нежности, в рыжей копне,

я в нелюдях, смертниках, в их поганой слюне,

я в армии не был, но мужчина вполне,

Памела в бикини у меня на стене,

прорабы кричат – там, в вышине:

давай поднимай свои не-

боскрёбы, шагай по луне,

зимою я часто виден в окне,

я к бочке пивной спешу по весне,

я в каше, я в масле, в десятом блине,

душа не потёмки: стих равен длине

клинической смерти с концом – к новизне,

но всю мою жизнь – невидимка во мне!

Не я – Ломоносов.
Не я – Шампольон.
Один Саня Григорьев.
У Лермонтова есть Пушкин.
Но нет у «Роллингов» Джонса.
Но в чём-то упрекает мужик.

Но там,
в поле тела, – страда!
Сердце, как бригадир,
сердце – у рта —
микрофоном – на Мир:

Люди!
Я человек!
Очень люблю я снег.

Звёзды!
Я человек!
Вас не достигну вовек.

Боги!
Я человек!
Мой короток век.

Очень люблю я снег.
А на снегу следы
кошек и воробьёв,
нравится рань темноты,

треск нравится дров.

Праздники на носу.
Надо купить колбасу.

А ещё забежать в библиотеку.
Всего не прочесть человеку
и всего не найти.

Потому
и открылась в груди

интереснейшая читальня:

нет,
я не Бальмонт*,
я другой —
я умер бы везде,
но на земле – реальной,
здесь Бог воскрес,
здесь сердца бой...

Здесь сердцу – даль,
здесь – ожиданье:
святая Церковь ждёт
Христа назад.

Я в даль смотрю:
честны мои признанья

живому сердцу,
чем сегодня я богат.

Я тоже жду,
мой Брат,
моя Сестричка!

Я каждый день летаю
на вокзал:
а дома – видео с «клубничкой»,
и получается,
что я не ждал.

А по-библейски мы не можем,
мы сложные,
тяжёлые,
на солнышке лежим.

Давайте Господу поможем,
давайте Господу поможем,
войдём в режим —

больниц,
дорог,
автобусов,
котельных,
поймаем такт
Высокий наконец!

...Бог бился над землёй...
но вдруг устал смертельно:
«Не знайте ничего!
Вот вам Начало и Конец».

Ты слышишь,
милая букашка?
Как крылышки твои,
бычок?

Нет,
не похожи
строчки на подтяжки...

На стенку «зайчика»
пускает Бог!

Сердцем, как мечом звеня,
я на святых не ропщу...
Люди, простите меня,
если удар пропущу.

*Я жалею,
что жил на Земле.

(К. Бальмонт)

О, БОЛЬ МОЯ!

Сердце,
почувствовав вдохновение,
требуется строчек, сердцебиения.

О, сердца авралы!
Своего – мало.
Беру
у Христа,
у Нашего Бога,
беру у Лазо
премного,
беру
у Пиаф,
беру
у Тукая,
Есенин
был прав,
но хочется рая.
Доколе ходить
по берегу моря?!
Нудить и нудить:
«Отдайте мне Борю!»
Никто
не вернется.

Никого
не вернут.
Добавочных порций
земных
не дают.
А я доедаю
с тарелок людей.
И вес
набираю,
и сердце
острей.

Беру
у Жигулина,
беру
у Барто,
полно
у Никулина,
хоть нам
и смешно.

Не скиснет Тушновой
берёзовый сок!
У Любы Орловой
в духовке пирог.

О, моря авралы!
Борьба на борту.
Но даже Харламов

ШАМПАНСКОЕ С УТРА

Земля мой клубок распутала.
Советским шампанским вынесла.
Сама же ходит в распутницах,
в домыслах да в вымыслах.

Потягивается Дюймовочка,
купается в росе.
Горит на дне икорочка,
и поцелуй от солнышка
горит на карасе!

Земной коры пригорочки
приманивают След.
Я на Земле не ради «корочки».
Я на Земле, как в ремесле.

Я делаю на Земле свой дух.
Ещё одну марку – в коллекцию.
И мой белок не протух,
и свет мой не знает электриков.

Я на Земле,
как джигит в седле.

Я на Земле,
я на Земле
с утра уже навеселе.

СПОКОЙНАЯ ВОЛНА

Я выйду к земным просторам,
как к нежной мечте своей, —
и рядом не щёлкнут затвором,
не взмоют птицы с ветвей.

Не будут мочить в сортире
ни в Грозном и ни в Кремле.
Пушинками станут гири,
покатятся по земле.

Уйдут все тёмные власти.
Но с ночи останется след:
поведятся к нам напасти —
из прошлых прожитых лет.

Я вспомню... моргну стакану.
(Оставит записку жена.)
Жена тараканья прильнёт к таракану:
– Любимый, нам квартира нужна!

Берите,
пока я добрый,
берите, пока чумной...
А бабы... не все они кобры,

вернутся они домой.

А я заночую у Бога
(богат раскладушками Бог).
Лежит и не спит Серёга,
усталился в потолок.

Джордано лежит в темнотище,
опять на костёр восходя.
И Бог на него не свищет,
но гонит под струи дождя.

Допытываю Валентина:
– Куда ты?
– На новый срок.
Просить ещё десятину...
Да услышит меня Бог!

Володе несут гитару —
ведь горло, как лаз, не забьёшь.
И Кедрин не ждёт удара,
но прошлая жизнь, как нож...

И вновь открывая рану
в божественном доме без сна, —
толкаю звёздную раму —
выпрыгиваю из окна —

я выйду к земным просторам,

я выйду к спокойной волне:
и зверь, проходя вдоль забора —
пути не отыщет ко мне.

ABOARD THE SHUTTLE

Китайским тайконавтам

Земля моя разбита.
Бегут её полки
на свежую палитру
тоски, тоски, тоски.

Земля моя раскрыта.
Лежит в Дахау труп:
рвут зубы у Давида —
блестит Давида зуб.

А в Грозном у Саида
разрушена стена:
стена расстреляна, убита,
и вытекает глаз окна.

Шероховатость не изжита.
И чёрт с ней!
Только б не провал.
Не трещина – как у корыта:
чтобы народ не лютовал.

Пустой карман – всё та же яма.

А в яме – серенький волчок:
глаза умны.
Язык как пламя:
«Тебя не съем.
Ты сам едок.

Ты мой щенок.
Ты много значишь.
Уж я то знаю: будет толк!»

Кусни меня, зубок кусачий!
Чтоб я взлетел под потолок!

Чтоб трещину увидел,
сито. —
«О, тайконята! без вранья!»
Но только вам видна с орбиты,
всецелостность Земли видна.

Земля не будет дождиком забыта.
Сама для всех она щедра.
Кругла, пострижена, омыта,
но наши битые корыта
торчат, как стёкла из ведра!

В который раз бедна,
хотя и плодovита.
Сижy у тёмного окна:
гуляет битая страна,

но нет ни имени, ни вида!

Страна моя разбита.
Уставились зрачки,
как в трещины корыта
уходят горны и значки.

Бедя прошла навывлет —
и вылетела грусть:
в Нью-Йорке нету пыли
и с семечкой бабусь.

Мне все пути открыты.
Я в «Шаттле» знаменитом.
Я вышел на орбиту
тоски, тоски, тоски...

Ловлю Советские куски.

ГЛИССАНДО

Колючий ветер снегом запряжён.
В Америку красивую влюблён.

Америке достанется сокровищ
от поразительных чудовищ.

Нет, я не он, не Рабинович.
Я просто очень удивлён.

Колючий ветер снегом запряжён.
Но всё же чуточку смущён

и даже капельку растерян.
Мне хочется варить бульон.
Чтоб запахи ушли за двери.

В час ночи я варю бульон.
(Да будет праздник домовому!)
Дом спит.
Он в море погружён.
Весь, с головой,
ушёл под воду.

Ночь заливала берега

и прогоняла души,
и то же самое у кипятка —
вся накипь просится на сушу.

Когда сниму шумовкой накипь,
бульончик надушу лучком,
я тихо подниму дремучий якорь
и все мы тихо поплывём.

Албанец, слесарь золотой,
младая полька с дымчатым волчарой,
индийка с электрической плитой,
испанец с акустической гитарой.

Мы все окажемся
в пути.
(О, тьма ночная!)

Но я,
всем домом управляя,

смотрю вперёд
и вижу маяки.

Мы все упрёмся через час
в живот Молдовы:
албанец выйдет нюхать газ —
но вдруг почувствует медовость.

Овечью брынзу,
винный хмель,
томаты, баклажаны, яблоки.
Соси, албанец,
карамель
конфетной кишинёвской фабрики!

О пани, прошу,
не рычи, —
кругом вода, но потолки в порядке.
(Индийка – кла-асс! она торчит,
скача на мужниной лошадке.)

Мы видим,
что заплыли далеко.
Как будто смерч
нагрянул в Бруклин

и выбросил
на берег
(как в кино!)
такие овощи и фрукты.

Явилась грусть.
Пришёл кошмар.
Такого сроду
не видали!
Испанец, чёрный как кальмар,
звонит мне в дверь,

стучит, скандалит!

Я объясняю:

мол, люблю

свой берег очень зримо —

варю бульон и не просплю

всей накипи непереваримой.

Не собирайтесь у двери.

Бери свой дом —

бери, рули!

Какие страшные жильцы.

Галдят и требуют обратно.

.....

Но вот испанца грустные глиссандо

несут наш дом во все концы...

ЕСТЕСТВЕННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Боль моя,
Боль моя,
ты ещё в детстве за мной приходила:
на край света звала,
всё звала... (Отпустила.)
...Потянула с душеньки детство,
как с берёзоньки кору:
я подумал о смерти,
я представил: умру.
Но не смог
я представить,
что вот нету меня,
что лежу я под городом,
а подошвы звенят...
Стало больно
и грустно,
ах, боже ты мой!
Я ведь беленький, шустрый,
не жадный, не злой.
Я заплакал. (Мальчишка!)
Но вздрогнул мой Мир:
мама двери открыла,
положила зефир.

Тот, обычный,
вкусный такой,
белый, сладкий,
лёгкий, двойной.

Во дворе мальчишки с мячом
ослепили меня лучом.

А старик, что на лавке сидел,
знал про песню, но песню не спел.

Песня сердца вернётся с годами.
Побросают в нас годы камнями.

Лишь теперь я могу понять,
что на сердце
и чем это взять.

И зовёт на примерку стилия
Та, что в детстве меня посетила.

И не так уже больно,
и не так уже грустно.
Походил я по камешкам,
выравнил Чувство.

По-другому теперь плачу я.
Только хочется зефира детских лет.

Запевай же песню, Земля!
На край света уходит поэт.

ТУПИК

Горят задумчиво костры,
дымят, как набивные трубки.
Дай, осень, чуточку махры!
Уж больно белые я вижу зубки.

Уж больно бедные мои листы,
и непригодные для чтения,
пока не знают вдохновенья
от пустоты, от пустоты...

Уж больно бледные мои листы.
Прилипли к переплёту,
и не летят на три версты,
пугаясь дыма и кого-то.

Вся улица моя горька
от ядовитых шашек.
Идёт шеренга тупика —
а жителям не страшно!

Горят осенние листы,
ещё пригодные для чтения.
Летает ангел пустоты,
во мне печаль и вдохновенье.

Однажды улица моя блеснёт: разлюбит свой тупик,
как шаль пудовую, как сон свинцовый,
как влажные глаза, как одичалый крик,
и всех пропустит, даже лист кленовый.
А он, тупик, войдёт в меня
таким же стройным рядом —
кирпичиком, раствором,
поворотом дня —
спиною, а короче – задом,

отчаеньем, что дальше не пройти,
гремящим за стеной заводом,
вселенским волком во плоти,
весёлым на стене уродом.

Картиной Репина «Приехали!» – сходи,
держи верёвочку с концами – в воду.

И тут ты, Сашка, не блеснёшь, —
тупик как факт: сегодня ты умрёшь.

Но, не давая мне проходу,
дождётся он меня... с народом!
Мы будем весело орать,
как будто зверя
гнать на выстрел,

другие камни

в руки брать
и рушить – быстро,
быстро...

Мне нравится
рабочий человек,
когда он возвращается с работы.
Я покупал у тёти чебурек, —
пеклась на солнце,
уставала тётя.

Спешит на улицу свою.
Там есть вино,
цветы и груши...

И – тишина
придёт
в своём строю,
и связь камней
нарушит.

И будет утром
в доме свет,
даст тишину
тупик любимый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.